Прошлое — Кастерли Рок: Тайвин

Если Тайвин думал, что его братья и сестры просто позволят ему уйти и поговорить со своей дочерью самостоятельно, он сильно ошибся, когда услышал их неуклюжие шаги, спешащие за ним, когда он возвращался в большие каменные коридоры Скалы.

Он знал, с чем столкнется, когда его наконец поймают; порицание, осуждение, насмешка. Тайвин не скрывал, что он чувствовал к своему младшему сыну, даже когда его братья и сестры любили мальчика.

Как они могли это делать, когда видели, что существо жалеют, а не ненавидят?

Они не знали, что Тирион не его, откуда он родом, и не кровь, которая текла в его жилах. Да, он был Ланнистером, но он также был кем-то другим. Тайвин слышал все это раньше, как он был монстром за то, как он обращался с Тирионом, несколько раз, из своей собственной семьи, и он не был настроен на это снова.

Но казалось, что не имеет никакого значения, чего он хочет, потому что они последовали за ним в его солнечную батарею, почти пенясь у рта своим превосходством и моральной высотой.

«Он заслуживал лучшего, чем иметь тебя в качестве отца», — рычал Тайгетт на Тайвина, ударив кулаком.

Четвёртый Ланнистер, рожденный у Титоса, и тот, у кого был такой большой потенциал, думал Тайвин, — растрачен на попытки подорвать его вместо того, чтобы стоять рядом с ним.

Насколько сильнее был бы их Дом, если бы Тайвин мог полагаться на Тайга так же, как он полагался на Кевана?

Человек был страшен в бою, но его ярость от пребывания в тени Тайвина была почти ощутимой вещью. Теперь, когда Тайвину было тридцать два года, нужен был Тайгетт, чтобы стать человеком, которым он всегда должен был быть.

Тайвин однажды слышал, как Генна, единственная сестра из всех них, говорила, что жить в его тени было почти невозможно. Только Кеван оставался верным рядом с ним, никогда не бросая ему вызов, только помогая сделать их Дом сильнее.

Герион, которому сейчас двадцать семь лет, был красив и светловолос и отказывался устраиваться и выполнять свой долг по производству большего количества Ланнистеров. Его младший брат предпочитал япошки и вино, женщин и приключения и был любимым дядей двух своих сыновей.

Возможно, это была природа львов; в конце концов, в прайде должен был быть только один мужчина, и Тайвин никогда не позволял никому забывать, что он был лордом Кастерли Рока, а не они.

Истощение, внезапное и быстрое, настигло Тайвина, когда он сидел в своем кресле, позволив гневу его братьев и сестер по поводу его неспособности защитить Тириона, чтобы омыть его.

Он был почти невосприимчив к этому, зная, что они думали о нем в течение многих лет. Если бы они только знали происхождение Тириона, то, возможно, они могли бы понять, почему Тайвин никогда не мог любить его, но почему он должен был сохранить ему жизнь.

Голос, мягкий и соблазнительный, прошептал ему в голове.

А почему они не могут? Тирион мертв. Джоанна мертва. Эйрис держит вашего наследника в заложниках. Зачем позволять Королю Драконов сеять больше насмешек и ненависти в вашем Доме? Разве ущерб, который он уже нанес, не был слишком высокой ценой? Зачем давать ему больше власти? Зачем позволять ему держать вас отдельно от тех, кто может сделать вас сильными?

Тайвин потерялся в своих размышлениях, задаваясь вопросом, может ли он поделиться тем, что случилось с Джоанной со своими братьями и сестрами, или это будет секрет, который он унесет в могилу, как он всегда предполагал. Он не хотел ничего, чтобы запятнать имя своей жены; никакого скандала, связанного с ней. Это было самое малое, что он мог сделать после того, как так монументально не смог защитить ее.

Но теперь, когда плевок вылетел изо рта Гериона, когда он бушевал вокруг Тириона, Тайвин мог видеть, что переломы уже были глубоко в доме Ланнистеров.

Словно чувствуя, что он не обращает внимания, Тайг облокотился на стол, снова разбив кулак, его зеленые глаза сверкали ненавистью.

«Что бы леди Джоанна сказала о твоей сегодняшней неудаче, мой Господь? Ей было бы стыдно называть тебя своим мужем. Мальчик был беспомощен, и вы ничего не сделали, чтобы сохранить его в безопасности; того, кого она отдала своей жизни, чтобы привести в этот мир. Этот позор будет пребывать с тобой все твои дни».

Чистая, раскаленная до белого цвета ярость пронеслась через Тайвина, подняв его на ноги. Он был вокруг своего стола в моменты, его рука лежала на шее Тайга, прижимая его к столу.

«Ты смеешь?» — закипел он.

«Да», — сказал его брат, изо всех сил пытаясь освободиться. «Она была бы опустошена».

Остальные трое посмотрели друг на друга. Отношения Тайвина и Тайгетта всегда были вспыльчивыми, но никогда Тайг не подталкивал Великого Льва так далеко.

«Вы никогда не заслуживали ее. У нее было все хорошо, и когда она умерла, она забрала все счастье от Скалы».

Шокированные вздохи раздались в комнате, когда Тайвин сжал шею своего брата, пока, наконец, он не отступил, подпустив его. Тайг огрызнулся и зарычал, повернувшись к Тайвину, пока Кеван не шагнул между ними, положив руку на грудь Тайга. В комнате царила тишина, когда пятеро братьев и сестер Ланнистеров смотрели друг на друга.

Тайвин засосал глубокий вдох.

«Ты прав, Тайгетт, в некоторых вещах и невероятно ошибаешься в других».

«Ты смеешь говорить со мной загадками, когда твой младший сын лежит мертвым на камнях?»

"Тишина!" Тайвин ворвался в комнату, тяжело дыша. Он знал, что находится на перепутье: он может продолжать хранить тайну рождения Тириона и отгонять своих братьев и сестер все дальше и дальше. Или он мог бы поделиться своей самой болезненной неудачей; изнасилование любимой жены.

«Вы правы в том, что, когда леди Джоанна умерла, она украла все счастье у Скалы, но вы ошибаетесь в том, когда это произошло. Это было задолго до того, как она оказалась на родильном ложе, будучи раздираемой этим монстром».

«Он был ребенком!»

«Он не был моим!» Тайвин заревел, и четыре набора ошеломленных глаз уставились на него.

— Тайвин? Кеван, наконец, спросил осторожно. Его любимый второй брат всегда миротворец.

— Эйрис, — прошептал Тайг, рассветный ужас на его лице. Он был на девять лет моложе Тайвина и любил и ненавидел своего старшего брата. Но он знал всю жизнь Тайвина и то, где был его брат за год до рождения Тириона.

Тайвин сделал резкий, короткий кивок.

Генна выглядела так, как будто она могла быть больна, в то время как Кеван побледнел, а Герион просто выглядел шокированным.

«После близнецов роды были тяжелыми для леди Джоанны. Ее здоровье было хрупким. Мы были осторожны в наших супружеских отношениях. Мы не знали, переживет ли она еще одну беременность. Этого было достаточно. У нас был наследник. Годы спустя мы были в Королевской Гавани, как вы знаете. Джоанна присоединилась ко мне на юбилейном турнире, чтобы отпраздновать короля. Ей было тридцать, но здоровье у нее было плохое».

Эйрис был на несколько лет старше их, и Тайвин мог признаться, что когда-то смотрел на молодого принца дракона.

Голос Тайвина был утомлен, когда он вспоминал самое болезненное время в своей жизни. Все Ланнистеры знали, что король, пьяный вином, публично оскорбил леди Джоанну, спросив, не испортилась ли ее грудь из-за грудного вскармливания ее детей. Тайвин попытался уйти в отставку с поста Десницы Короля на следующий день, но Эйрис отказался от отставки.

«Она никогда не подтверждала, что это был он», — сказал Тайвин, наконец, рухнув в кресло, его голос хриплый. «Но ее служанки сказали мне, что она уволила их всех на неделю, отказавшись покинуть свою постель вскоре после этого оскорбления. Я был слишком занят попытками сохранить ход турнира, и я уделял ей мало внимания. Когда мы приехали на Скалу и были дома, она была беременна, и мы не делили постель в течение нескольких месяцев».

Это было больше, чем Тайвин поделился с кем-либо. Когда-либо. Даже с Кеваном. Никто из братьев и сестер Ланнистеров не знал, что делать с тем, что они только что узнали. И хотя они, возможно, захотят потребовать справедливости, убить Эйриса за то, что он сделал с их братом и его женой, все знали положение этого человека и кого он имел рядом с собой.

Поскольку Джейме служил в качестве Королевской гвардии, любой план мести должен был бы учитывать такой факт. Тайвин никогда не допустил, чтобы его наследник был подвергнут опасности.

«Когда Тирион убил ее, когда он разорвал ее на части, я хотел вывести его в море и бросить в волны».

— Почему ты этого не сделал?

Тайвин горько рассмеялся. «Потому что он был ее».

Немногие мужчины в этом мире любили своих жен так, как Тайвин любил Джоанну.

«Поэтому, хотя я никогда не любил его, никогда не любил бы его, я мог бы убить его много раз. И я этого не сделал. Несмотря на монстра, которым вы все меня считаете, он не был чьим-то другим, чтобы убить. Он был Ланнистером; он был ее. И она умерла, чтобы привести его в этот мир. Если бы я знал, что он в опасности, я бы принял меры для его защиты».

«Он был ребенком», — сказала Генна, обнюхивая и вытирая слезы. «Для кого на земле он представлял угрозу?»

А теперь еще одно решение, — подумал Тайвин.

Он взглянул на Тига, который казался потерянным в своем гневе, а затем на Гериона.

Изменил ли он что-нибудь между ними тем, что он раскрыл?

«Я непростой человек, и я не планирую менять то, кто я есть. Наш Дом является величайшим в Семи Королевствах. Единственное, что имеет значение для меня, это семья, в которой живет наше имя. Слишком долго вы оба злились, пили и прокладывали себе путь по жизни. Вы оба отказываетесь брать жену. Скажи мне, есть ли у тебя какое-либо намерение выполнить свой долг?»

Боль пронзила оба их лица — хрупкий смех изо рта Тайга.

«Вы думаете, что легко жить в своей тени? Ты, Великий Лев, человек, который в одиночку привел два дома к полному разрушению, когда ты был едва ли больше, чем мальчик? Тебя любят и боятся, брат, в равной мере в Вестерландах и в самом царстве».

«И ты отказываешься выполнять свой долг, Тайгетт! Я могу найти вам подходящую пару - женщину из Вестерландов, чей отец предан нашему Дому. Когда ты выполнишь свой долг?»

Тайгетт ничего не сказал, просто взглянув на своего старшего брата.

Тайвин нажал дальше.

«Наш Дом может быть самым могущественным в королевстве, большим, чем Таргариены или Мартеллы. Сильнее Баратеонов. Великие Дома воюют друг с другом Тыг, и члены этих домов умирают. И все же, вот они, пять сильных».

Его брат фыркнул.

«Вы считаете нас сильными? Мы живем в твоей тени».

«Тогда возьмите свой собственный кусок. Жениться, производить наследников и стоять рядом со мной. Царство находится в состоянии войны, и грядут перемены. У нашего Дома есть шанс установить династию, которая может длиться тысячу лет. Или, — сказал Тайвин, резко остановившись, — мы могли бы исчезнуть в безвестности».

«Ты одержим наследием, брат».

«Фамилия — это единственное, что живет».

Герион покачал головой. «Вы делаете так, чтобы это звучало так просто, но это не так».

Тайвин закружился на нем. «Тогда объясните мне это».

Даже я, каким бы молодым я ни был, слышал, что не Эйрис правил Семью Королевствами, а Тайвин Ланнистер. Люди любили тебя, даже с твоим суровым обликом, который никогда не улыбался. Да, они боялись вас, но вы принесли мир. Даже сейчас королевство разрывается на части от безумия короля, и мы сидим и ничего не делаем. Царство снова будет смотреть на вас. Ваше наследие невозможно избежать».

Тайвин подавил вздох. Это было легко для тех, кто не носил мантию ответственности. Для того, чей сын и наследник не был заложником человека, который любил сжигать людей заживо. И сколько бы он ни раскрыл сегодня вечером, Тайвин был не совсем готов поделиться своим видением Сансы и победы Роберта в конце этого восстания, опасаясь, что это может быть неправдой, и он будет звучать как сумасшедший.

Несмотря на свои секреты, Тайвин мог сказать, что что-то изменилось, даже тонко здесь со своими братьями и сестрами. Позволив им взглянуть на свою боль, на то, что он перенес, он измотал худший из их гнева и, возможно, еще более многообещающий, он начал возвращать их в лоно.

«А твоя дочь? Серсея?» — спросил Кеван, напомнив Тайвину о его первоначальной ярости, когда он обнаружил тело Тириона. «При чем тут она?»

Все взоры были устремлены на Великого Льва, пока они ждали, солнечная тишина. Опять же, Тайвин чувствовал себя комфортно, даже тем, кто находился в этой комнате. Он должен был быть осторожным; Серсея, несмотря на то, что он быстро начинал подозревать о своем старшем ребенке, была опасной женщиной, но она все еще могла быть активом для их дома.

«Моя дочь отказалась от ожиданий высокорожденной дворянки. Она отказывается обсуждать брак, вместо того, чтобы верить, что ее место здесь, у Скалы. С Джейме, выступающим в качестве прославленного телохранителя Эйрис, которая стояла на ее пути стать следующей владычицей Скалы?»

Это была версия правды, поворот в том, что он знал. Он может хотеть, чтобы его семья стояла за ним, но Тайвин знал, что информация — это сила. Он видел, как Кеван отреагировал на новость о том, что Серсея видела себя следующей в очереди, когда он предоставил Дому Ланнистеров сына. Они не были Дорном; законы о наследовании были ясны, особенно в Вестерландах.

— Она бы этого не сделала, — прошептал Кеван.

"Who else hated Tyrion as much as I did?"

Ответа не последовало, ибо нечего было дать. Все видели, как сильно Серсея ненавидела своего младшего брата. В то время как его братья и сестры теперь знали о происхождении ненависти Тайвина к карлику, ненависть Серсеи оставалась загадкой. И тот, который львы Ланнистеров были полны решимости решить.

«Оставьте ее мне», — повелел Тайвин своим братьям и сестрам. Они повернулись, чтобы посмотреть на него, прежде чем покинуть его солнечную батарею.

«Она моя дочь».

Когда все четверо кивнули, он помахал им рукой из комнаты, сел и скрутил свое львиное кольцо на пальце, едва чувствуя тепло, пытаясь найти свой путь вперед, когда казалось, что все внезапно изменилось.

Настоящее время: декабрь – Санса

Санса ахнула, когда проснулась от своего последнего яркого сна с участием Тайвина Ланнистера, глядя на свои часы. 3 часа ночи. Час ведьм. Время, когда она должна была спать, учитывая тот факт, что у нее был финал утром перед тем, как она летела домой в Винтерфелл на рождественские каникулы.

Зная, что она не может спать, Санса натянула пижамные штаны и сунула ноги в свои пушистые тапочки. Она проснулась, когда засунула капсулу в кофемашину и заварила свою первую чашку дня.

Она сидела за кухонным столом, положив голову на руки, когда она рассматривала кольцо на пальце.

Нигде в своих обширных исследованиях она никогда не сталкивалась с чем-либо, что указывало бы на то, что Тайвин Ланнистер пытался построить отношения со своими братьями и сестрами, и Тирион не умер, как указывал ее сон.

Это был увлекательный вопрос. Что могло бы произойти, если бы Тирион умерла молодой, как показал ее сон? Казалось, что смерть Тириона выбила правду из уст Тайвина, позволив ему доверить своим братьям и сестрам хотя бы часть того, что происходило между ним и Эйрис и происхождением концепции Тириона.

Санса знала, что Тайгетт является командиром на поле боя. Он был бы активом для Дома Ланнистеров, если бы ему когда-либо удалось вырваться из тени своего старшего брата. У Сансы не было живых братьев и сестер, поэтому она могла только попытаться представить, каково это, должно быть, было расти с таким человеком, возглавляющим ваш Дом.

Она сидела там часами, пока солнце, наконец, не прорвалось, купая Ланниспорт в его золотом оттенке. Ей пришлось признать, что она была рада вернуться домой на Север. Она любила Ланниспорт, но перерыв был желанным. Их семья была маленькой, и только брат ее отца Бен присоединился к ним на праздники, но это было их и то, чего она с нетерпением ждала каждый год.

Когда она направлялась в университет, где рассматривался ее экзамен, Санса подумала о том, каково это иметь такую большую семью, а затем наблюдать, как они падают, один за другим. Любовь Тайвина к жене и старшему сыну была хорошо известна сотни лет спустя. Кеван и Тайвин оставались близки, и даже Генна решила остаться в Скале, воспитывая своих детей, своих сыновей, в Вестерландах. Это были два других его брата и сестры, которые были потеряны для него.

Санса скользнула на свое место, высунув карандаши из их футляра, переориентировавшись на задачу перед ней и вытолкнув сон из своего разума. Три вопроса эссе, касающиеся влияния восстания Роберта, восстания Грейджоя и влияния действий Джейме и Серсеи на долгосрочную стабильность королевства. Когда тестовый пакет был сдвинут перед ней, она опустила голову и начала писать, зная этот материал, как тыльную сторону своей руки, и с нетерпением ожидая, что будет дома и оставит свой первый семестр своей магистерской степени позади.

" Принцесса!" Нед заплакал, завернув Сансу в свои крепкие объятия. Ее отец всегда пахла старыми специями, мятой и чернилами.

— Папа.

Она прижалась поближе, наслаждаясь чувством комфорта и дома, которое пришло от возвращения сюда. Аэропорт Уинтертауна был небольшим, и они быстро получили ее багаж, выбравшись на заснеженную парковку к грузовику ее отца.

«Я пропустила это», — сказала она, понимая, насколько правдивыми были эти слова.

Она радостно ухмыльнулась, когда он отвез их в их любимую закусочную, куда они приезжали в течение многих лет. Санса проскользнула внутрь изношенной виниловой кабинки, где они оба заказали суп и горячий бутерброд с индейкой. Меню не менялось годами, и знакомство со всем этим было похоже на теплые объятия.

Они провели час, догоняя, Санса смеялась над рассказами своего отца о своих учениках и их выходках. Она поделилась, что Джофф, как и предсказывалось, был исключен из программы и что Марг и Под стали ее хорошими друзьями.

Она не упомянула о снах своему отцу; они казались слишком близкими, и она хотела держать их при себе. Но в ту ночь, когда она свернулась калачиком в своей детской постели, в своей старой комнате, довольство, непохожее на то, что она чувствовала в течение долгого времени, поселилось над ней.

Следующая неделя была прекрасным перерывом от ее плотного графика на Западе. Она спала допоздна, смотрела все шоу, которыми пренебрегала в течение последних нескольких месяцев, готовила для них вкусные ужины и делала покупки в свое удовольствие. Они получили свою рождественскую елку с маленькой фермы, которая выращивала их в течение всего года, а затем украшали ее, когда смотрели старые рождественские фильмы и потягивали эггног.

Когда дядя Бен появился в канун Рождества, они втроем совершили свое ежегодное паломничество на кладбище, где были похоронены ее мать и брат, принеся маленький фонарик и свечу, которую они всегда зажигали. Ее отец решил похоронить их под древним деревом, где также были похоронены его мать, отец, младшая сестра и старший брат.

Санса положила брызги амариллиса и белых лилий на могилу своей матери, проведя рукой по мраморным надгробиям. Едва ли был день, когда Санса не была бы благодарна за своего отца и жизнь, которую он ей подарил. Она крепко обняла его, думая о другом мужчине, который потерял любимую жену, как ее отец рассказывал ей истории о матери и брате.

Нед, Бен и Санса смотрели на могилы своей семьи, прежде чем холод загнал их домой и в их уютный дом.

В ту ночь, когда она прижалась к своей кровати, она подумала, что ей повезло. Ее семья может быть не большой, но она с лихвой компенсировала ее любовью и принятием. Пока у нее был отец, Санса знала, что она благословлена.

Прошлое: Кастерли Рок — Тайвин

Тайвин провел последние несколько дней после смерти Тириона, думая, в одиночестве в своей солнечной или спальне. Он закрыл свою семью, включая Серсею, нуждаясь во времени, чтобы подумать, прежде чем действовать. Он чувствовал, что если он сделает один неверный шаг, то

его мир рухнет, и он пожертвовал слишком многим, чтобы позволить Серсее разрушить его Дом.

Вот почему, когда Санса появилась в состоянии сна, Тайвин почувствовал такое облегчение, что был шокирован; его колени не сгибались. Как получилось, что эта женщина так его позвала? Какова была их связь? Он чувствовал себя почти слабым, глядя на нее, но, поскольку он не был физическим проявлением, он отверг эту мысль вместо того, чтобы сосредоточиться на Сансе. Он никогда не знал, как долго он может оставаться в видении, и не хотел ничего пропустить.

Она была одета в какую-то пышную одежду, странную шляпу на голове, длинные рыжие волосы и яркую ленту в снежную ночь. Он тянулся к ней, как мотылек к пламени.

Он хотел, чтобы он мог прикоснуться к ее волосам и провести пальцами по их шелковистым прядям. На короткое мгновение он представил, как она расстилается на его подушке, он сидит над ней. Она была славным существом, по которому он скучал. Одиночество его жизни, казалось, усилилось, когда он увидел ее.

Тайвин знал, что он не старик; он видел только сорок одну именин. Многие в королевстве взяли бы другую жену и произвели бы больше наследников. Возможно, если бы она была здесь, он мог бы принять эту мысль...

Но она не была, и это было безумие. Он был женат один раз и поклялся никогда больше не жениться.

Тайвин снова обратил свое внимание на сцену перед ним, когда Санса стояла между своим отцом и другим мужчиной, который должен был быть родственником, потому что он выглядел как отец Сансы.

Они стояли в темном, почти мрачном месте, со странными маркерами, окружающими их, и тем, что выглядело как древнее дерево. Тайвин никогда не был Нортом, но даже он узнал это из своих обширных чтений и увидел, как Санса встала на колени, чтобы положить цветы рядом с одним маркером.

Название было ясным; Кейтилин Старк. Любимая мать и жена. Ушел слишком рано, всегда любил.

Она была Старком! Если бы его заставили догадаться, Тайвин подумал бы, что она Талли с ее рыжими волосами.

Санса вошла в объятия отца, и Тайвин болел за нее. У нее была такая маленькая семья, и Тайвин знал, насколько уязвимы те, кто был один. Он хотел предупредить ее отца, чтобы он защитил ее, чтобы ее безопасность имела первостепенное значение. Но он был беспомощен, чтобы сделать это.

Вместо этого он слушал, как ее отец говорил о том, как сильно он любил ее мать, об их первой встрече в университете и о том, как это была любовь с первого взгляда. Тайвин не понимал всех ссылок отца Сансы, но чувства оставались похожими на то, что он испытал с Джоанной.

Видение исчезло, когда они ушли в снежную ночь. Меланхоличный воздух оставался с ним, когда он наблюдал, как она уходит, ноя быть с ней и зная, что все вокруг него меняется.

Семья.

Речь всегда шла о семье. Даже в будущем, где бы и кем бы ни была Санса, семья имела для нее первостепенное значение.

Это было единственное, что в конце концов имело значение.

И Серсея попыталась утвердить свою власть над ним, заставив его руку. С Джейме в роли Kingsguard, действительно ли она думала, что он даст ей Скалу?

Когда он вызвал ее к своему солнечному соляру, он сделал это в одиночку, хотя отношения между ним и его младшими братьями изменились.

Их гнев на Серсею и их симпатия к нему (Тайвин отказался назвать это жалостью) означали, что они были полностью на его стороне. Серсея и ее манипуляции свели бы их на нет. Возможно, это предварительное перемирие между пятью из них не продлилось бы долго, но пока они, по крайней мере, были едины в цели определить роль, которую Серсея могла бы сыграть в смерти маленького льва.

Тем не менее, он будет противостоять своей дочери в одиночку. Последнее, что ему было нужно, это то, что один из них требовал справедливости, когда Серсея все еще могла служить цели. Это всегда было то, в чем Тайвин преуспел; использовать кого угодно и что угодно в своих целях. В то время как его братья и сестры могли управляться эмоциями, он управлялся логикой.

Пришло известие, что она резко отреагировала, когда узнала о смерти Тириона, но Тайвин ни на мгновение не поверил ее слезам. Он был слеп ко многим вещам с тех пор, как Джоанна умерла, но ненависть его дочери к его второму сыну была чем-то, о чем знал даже он. И об этом говорили его братья и сестры в течение последних нескольких дней, чтобы он не забыл или не был тронут ее драмами.

Серсея вошла в свою солнечную батарею, а Тайвин сидел один за своим большим, внушительным столом. Он знал картину, которую представлял, и более одного человека прятались в его присутствии.

Тайвин наблюдала, как короткий момент шока, а затем страх проскользнул по ее лицу, прежде чем оно было заменено маской горя. Увидев его непреклонное лицо, домой пришло осознание того, что Тайвин не играл с ней в игры.

«Сядьте».

Его голос был командой, а не предложением, и она устроилась перед ним.

«Мне говорят, что ты вне себя от горя, дочь, из-за потери своего младшего брата».

«Я отец», — сказала она, обнюхивая и опустив глаза вниз. «Такая трагедия, что он ушел таким молодым».

Тайвин хотел фыркнуть от отвращения. Генна и Кеван поделились с ним историями о том, как ужасно она относилась к Тириону. Возможно, это было все; она ненавидела его и видела возможность.

«Я считаю, что в это почти невозможно поверить, учитывая, как сильно вы его ненавидели».

Ее голова взметнулась, зеленые глаза вспыхнули, и Тайвин увидел там ее ненависть к Тириону.

Выглядели ли его глаза так же, когда он говорил о Тирионе? Он вкратце поинтересовался.

«Он убил мою мать», — плюнула она. «Он был мерзостью».

«Он был Ланнистером», — прокричал ей Тайвин.

Она выстрелила в ноги, чуть не трясясь от ярости.

«Он должен был быть давно мертв; ничто из того, что было похоже на него, не подходило для того, чтобы делить нашу фамилию. Он был мерзким существом».

Тайвин был ошеломлен тем, насколько ужасным человеком казалась его дочь, и все же, разве он не думал так же? Ежедневный?

«И вы позаботились об этом, не так ли? Вытолкнули его с крепостных валов? Смотрели, как его тело упало на камни внизу?»

Тайвин увидел момент, когда Серсея поняла, что она переступила, и она покачала головой, отрицание отпечаталось на ее чертах лица.

«Нет, я этого не сделал. Я не разговаривал с ним неделями, отец».

Слово было на кончике его языка – лжец.

Серсея могла подумать, что она может играть в игру, но было ясно, что она была не в своей глубине, особенно когда дело доходило до него. Если бы другие были здесь, они бы кричали о ее голове, но она все еще могла бы быть полезной. Если бы Роберт победил в восстании, если бы его видение было правильным, брачные союзы имели бы решающее значение для установления новых партнерских отношений. И она была незамужней и благородной. Когда ей исполнился двадцать один год, и восстание закончилось, она все равно была бы полезна, выйдя замуж за кого-то, кто укрепил бы их дом.

Но Тайвин также знал, что не может недооценивать свою дочь.

Поэтому он сузил глаза на нее.

«Поскольку вы так охвачены своим горем, я приказываю вам запереться в своих комнатах. Еда будет принесена вместе с любыми книгами, которые вам могут понравиться. Когда состоятся похороны Тириона, вы можете присутствовать. Но все остальное, любая переписка, которую вы можете иметь, любые запланированные досуговые мероприятия, любые функции, которые, по вашему мнению, вам нужно выполнить, немедленно прекратятся».

Ее рот раскрылся, прежде чем глаза сузились. Тайвину было больно, что они были Джоанны, потому что они были наполнены таким ядом, что он думал, что меньший человек может зачахнуть перед ними.

«Вы бы этого не сделали».

«Я бы хотел, и я есть. И, если необходимо, щепотка сладкого сна в вашем вине и еде, чтобы помочь вам справиться с вашим горем. Мне говорят, что сон лучше всего, когда вы перегружены эмоциями».

Она изменила тактику, слезы текли по ее лицу.

«Отец, пожалуйста, не делай этого. Ты нуждаешься во мне рядом с тобой. Я твой единственный оставшийся ребенок».

Тайвин фыркнул.

«Хайме не умер. И у меня есть мои братья и сестры, Серсея. У меня есть семья. По всему царству раздастся весть о том, что вы заболели из-за своего горя и находитесь в трауре в течение года. Я считаю, что этого времени достаточно, чтобы вы выздоровели».

Ее лицо бледнело при его объявлении.

Тайвин кивнул двум охранникам, которые проскользнули внутрь его солнечной батареи, и им пришлось утащить ее прочь. Она царапала и плевала, обзывая его мерзкими именами и проклиная Закатное море, чтобы забрать и его.

«Это или Молчаливые Сестры, Серсея», — сказал Тайвин, голос смертельно опасный с намерением.

Тогда она успокоилась, глаза испугались.

«Вы бы этого не сделали».

— Я бы так и сделал.

Она выпрямилась и высоко подняла голову, и она посмотрела на него.

«Вы позор для нашего Дома, неспособный сделать то, что требовалось. Он был больной ветвью, которая должна быть вычищена из нашего генеалогического древа. Ты испытываешь ко мне отвращение».

Она закрутилась и исчезла, когда Тайвин пошатнулся спиной к своему столу.

Сколько раз он думал об одном и том же?

Была ли его дочь права?

Неужели его любовь к Джоанне ослепила его от того, что требовалось от его Дома?

Был ли он неправ, сохранив Тириона в живых, чтобы почтить Иоанну и ее жертву?

Сама мысль о том, что Тирион однажды женится, заведет детей и даст им имя Ланнистера, не давала ему спать больше ночей, чем он хотел признать. Теперь это больше не было проблемой для смерти Тириона.

Сделала ли она ему одолжение?

Не зная, что думать, и ненавидя, что он так себя чувствует, Тайвин вытолкнул все дело из своего ума, не желая рассматривать его поближе.

Вместо этого он задавался вопросом, когда он может получить сообщение от Хайме в столице. Он написал королю, чтобы попросить разрешения на освобождение его сына от обязанностей Королевской гвардии присутствовать на похоронах Тириона.

На данный момент Тайвин пытался контролировать ситуацию в меру своих возможностей и

нейтрализовать свою дочь. Только время покажет, были ли его действия достаточными, чтобы остановить ее жажду власти.

Две недели спустя львы дома Ланнистеров устроились в септе в Кастерли-Рок на похороны Тириона. Джейме не было позволено присутствовать, и Тайвин закипел, когда этот свиток был доставлен на его солнечную батарею, еще одна мелочь Эйриса против него.

Серсея, которую он не видел с тех пор, как он снял ее со своей солнечной батареи и поместил ее под бдительный око своих верных охранников, ежедневно бушевала на Тайвине. Она хорошо сыграла эту роль, бесстрастно подумал Тайвин, стонал и плакал, скорбя, как будто Тирион не был ненавидим ею, и она не приложила руку к его смерти.

Тайвин все еще беспокоило, что она никогда не признавалась в содеянном, даже когда сталкивалась с ним. Возможно, если бы она сказала ему правду, что ее отвращение и ярость переполнили ее, они могли бы спасти что-то из своих напряженных отношений. Но ее неспособность довериться ему безвозвратно подорвала доверие Тайвина к ней, и теперь он рассматривал ее как проблему, которой нужно управлять.

Она сильно ошибалась, если думала, что ее выступление во время похорон Тириона принесет отсрочку, как она вскоре обнаружила, когда ее тащили обратно в свои комнаты. Она взглянула на своих дядей и тетю за помощью, но они закрывали глаза на ее оскорбления и крики.

Удивительно, но самым значительным изменением в Casterly Rock были отношения Тайвина с его братьями и сестрами.

Когда он сообщил им об итогах своей беседы с Серсеей, ожидаемое возмущение заключалось в том, что ее наказание не было более суровым. Пока Тайвин не указал на карту и не потребовал, чтобы они подумали о восстании, которое поглотило Вестерос.

«Я не собираюсь выходить из этой битвы в более слабой позиции. Она истиннорожденная дворянка с хорошей репутацией. Через несколько лет она может стать активом для нашего дома, когда она придет, чтобы увидеть вещи по-моему».

Тайг фыркнул, но так как он, наконец, согласился жениться однажды, Тайвин пока позволил этому скользить. Он хотел, чтобы брат был на его стороне, а не постоянно воевал с ним на каждом шагу. Тайвин знал, что их время для забастовки становилось все ближе, а восстание все еще бушевало.

«Мы должны выбрать сторону», — потребовал Тиг, глядя вниз на то, куда направлялись последние известные повстанческие силы.

Было ясно, какую сторону, по его мнению, они должны принять. Он бросался на сторону повстанцев и бросал их судьбу вместе с ними.

«Мы должны думать о Джейме», — все говорил Тайвин.

Когда он вышел протестовать, Тайвин поднял руку.

«Я хорошо знаю, что Эйрис сделал с нашим Домом. Но я не буду ставить под угрозу безопасность Хайме в результате, который еще не является гарантией».

Ни Тиг, ни Герион полностью не согласились, но ни один из них не был главой армии Ланнистеров. Тем не менее, Тайвин знал, когда он ехал на войну, что его братья будут рядом с

ним.

Тайвин мог только гадать, что может принести следующий.

Три месяца спустя до Скалы дошла весть о том, что лорд Старк вернулся домой в Винтерфелл и назвал свои знамена. Он шел на юг, объединив свои силы с силами лорда Аррена и лорда Хостера Талли.

Когда Тайвин переместил серебряную рыбку на свою великую карту, он задался вопросом, не является ли это просто обручением Кейтилин с Недом Старком, которое переместило лорда Риверлендс. Несмотря на это, четыре из семи регионов находились в состоянии войны с королем. Его зеленые глаза устремились в сторону Дорна. Как и он, Доран Мартелл не спешил называть свои знамена. Тайвин знал, что это потому, что Элия и ее дети остались в столице. Как и у принца в Солнечном Копье, был кто-то, кого он любил, кто был почти заложником в Королевской Гавани.

Тем не менее, когда Тайвин размышлял над картой, он задавался вопросом, верны ли Санса и ее видения.

Возможно ли, что Роберт действительно вышел победителем? И если да, то как Тайвин вытащил Джейме из лап Эйриса?

Вздохнув, головная боль стучит по его вискам, Тайвин повернулся, чтобы покинуть свою солнечную батарею, зная, что эти головоломки будут здесь завтра. На короткое мгновение он задался вопросом, может ли у него быть другое видение; ничего не было с тех пор, как он увидел Сансу, стоящую над могилой своей матери в снегу и холоде.

Тогда он потрясся от таких глупых мыслей.

Она была потеряна для него, вне его времени и вне его досягаемости, и мысли о ней больше не принесли бы ему никакой пользы.

Он готовился ко сну в одиночестве и знал, что это его будущее. У него была одна большая любовь, и ни одна женщина, ни в то время, ни в другое время, не могла конкурировать с ней. Он был дураком, чтобы даже принимать такие идеи.

Он не был звездноглазым молодым человеком; эта жизнь не была песней или стихотворением. Жизнь была тяжелой, жестокой и жестокой, и даже если бы он мог, он никогда бы не захотел, чтобы Санса была здесь. Вестерос не был добр к женщинам, и тем более к женщинам своей красоты. Она была счастлива и любила там, где была.

И, что еще более важно, она не была и никогда не будет его.

http://tl.rulate.ru/book/85704/2741151